

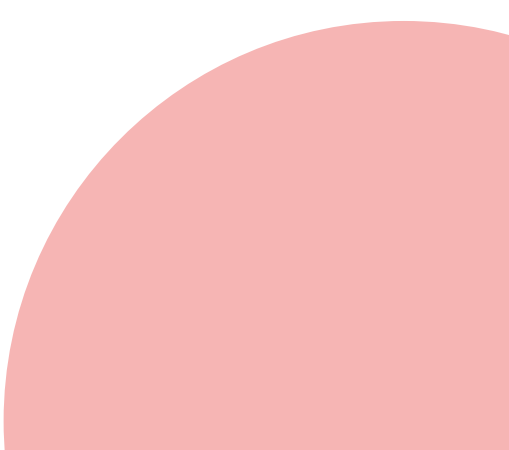


# **영어 연설문 발표 원문**

**Speech and the Following Discussion  
at the Munich Conference on Security  
Policy. February 10, 2007**

2025-08-26

**황태준**  
중앙고등학교  
2025  
2학년 7반 31번



## Contents

I. 영어 번역본 .....	3
II. 러시아어 원문 .....	17

## I. 영어 번역본

Thank you, very much dear Madam Federal Chancellor, Mr Teltschik, ladies and gentlemen!

I am truly grateful to be invited to such a representative conference that has assembled politicians, military officials, entrepreneurs and experts from more than 40 nations.

This conference's structure allows me to avoid excessive politeness and the need to speak in roundabout, pleasant but empty diplomatic terms. This conference's format will allow me to say what I really think about international security problems. And if my comments seem unduly polemical, pointed or inexact to our colleagues, then I would ask you not to get angry with me. After all, this is only a conference. And I hope that after the first two or three minutes of my speech Mr Teltschik will not turn on the red light over there.

Therefore. It is well known that international security comprises much more than issues relating to military and political stability. It involves the stability of the global economy, overcoming poverty, economic security and developing a dialogue between civilisations.

This universal, indivisible character of security is expressed as the basic principle that "security for one is security for all". As Franklin D. Roosevelt said during the first few days that the Second World War was breaking out: "When peace has been broken anywhere, the peace of all countries everywhere is in danger."

These words remain topical today. Incidentally, the theme of our conference – global crises, global responsibility – exemplifies this. Only two decades ago the world was ideologically and economically divided, and it was the huge strategic potential of two superpowers that ensured global security.

This global stand-off pushed the sharpest economic and social problems to the margins of the international community's and the world's agenda. And, just like any war, the Cold War left us with live ammunition, figuratively speaking. I am referring to ideological stereotypes, double standards and other typical aspects of Cold War bloc thinking.

The unipolar world that had been proposed after the Cold War did not take place either.

The history of humanity certainly has gone through unipolar periods and seen aspirations to world supremacy. And what hasn't happened in world history?

However, what is a unipolar world? However, one might embellish this term, at the end of the day it refers to one type of situation, namely one centre of authority, one centre of force, one centre of decision-making.

It is world in which there is one master, one sovereign. And at the end of the day this is pernicious not only for all those within this system, but also for the sovereign itself because it destroys itself from within. And this certainly has nothing in common with democracy. Because, as you know, democracy is the power of the majority in light of the interests and opinions of the minority.

Incidentally, Russia – we – are constantly being taught about democracy. But for some reason those who teach us do not want to learn themselves.

I consider that the unipolar model is not only unacceptable but also impossible in today's world. And this is not only because if there was individual leadership in today's – and precisely in today's – world, then the military, political and economic resources would not suffice.

What is even more important is that the model itself is flawed because at its basis there is and can be no moral foundations for modern civilisation. Along with this, what is happening in today's world – and we just started to discuss this – is a tentative to introduce precisely this concept into international affairs, the concept of a unipolar world.

And with which results?

Unilateral and frequently illegitimate actions have not resolved any problems. Moreover, they have caused new human tragedies and created new centres of tension. Judge for yourselves: wars as well as local and regional conflicts have not diminished. Mr Teltschik mentioned this very gently. And no less people perish in these conflicts – even more are dying than before. Significantly more, significantly more!

Today we are witnessing an almost uncontained hyper use of force – military force – in international relations, force that is plunging the world into an abyss of permanent conflicts. As a result, we do not have sufficient strength to find a comprehensive solution to any one of these conflicts. Finding a political settlement also becomes impossible.

We are seeing a greater and greater disdain for the basic principles of international law. And independent legal norms are, as a matter of fact, coming increasingly closer to one state's legal system. One state and, of course, first and foremost the United States, has overstepped its national

borders in every way. This is visible in the economic, political, cultural and educational policies it imposes on other nations. Well, who likes this? Who is happy about this?

In international relations we increasingly see the desire to resolve a given question according to so-called issues of political expediency, based on the current political climate. And of course, this is extremely dangerous. It results in the fact that no one feels safe. I want to emphasise this – no one feels safe! Because no one can feel that international law is like a stone wall that will protect them. Of course such a policy stimulates an arms race.

The force's dominance inevitably encourages a number of countries to acquire weapons of mass destruction. Moreover, significantly new threats – though they were also well-known before – have appeared, and today threats such as terrorism have taken on a global character. I am convinced that we have reached that decisive moment when we must seriously think about the architecture of global security.

And we must proceed by searching for a reasonable balance between the interests of all participants in the international dialogue. Especially since the international landscape is so varied and changes so quickly – changes in light of the dynamic development in a whole number of countries and regions. Madam Federal Chancellor already mentioned this. The combined GDP measured in purchasing power parity of countries such as India and China is already greater than that of the United States. And a similar calculation with the GDP of the BRIC countries – Brazil, Russia, India and China – surpasses the cumulative GDP of the EU. And according to experts this gap will only increase in the future.

There is no reason to doubt that the economic potential of the new centres of global economic growth will inevitably be converted into political influence and will strengthen multipolarity.

In connection with this the role of multilateral diplomacy is significantly increasing. The need for principles such as openness, transparency and predictability in politics is uncontested and the use of force should be a really exceptional measure, comparable to using the death penalty in the judicial systems of certain states.

However, today we are witnessing the opposite tendency, namely a situation in which countries that forbid the death penalty even for murderers and other, dangerous criminals are airily participating in military operations that are difficult to consider legitimate. And as a matter of fact, these conflicts are killing people – hundreds and thousands of civilians!

But at the same time the question arises of whether we should be indifferent and aloof to various internal conflicts inside countries, to authoritarian regimes, to tyrants, and to the proliferation of weapons of mass destruction? As a matter of fact, this was also at the centre of the question that our dear colleague Mr Lieberman asked the Federal Chancellor. If I correctly understood your question (addressing Mr Lieberman), then of course it is a serious one! Can we be indifferent observers in view of what is happening? I will try to answer your question as well: of course not.

But do we have the means to counter these threats? Certainly, we do. It is sufficient to look at recent history. Did not our country have a peaceful transition to democracy? Indeed, we witnessed a peaceful transformation of the Soviet regime – a peaceful transformation! And what a regime! With what a number of weapons, including nuclear weapons! Why should we start

bombing and shooting now at every available opportunity? Is it the case when without the threat of mutual destruction, we do not have enough political culture, respect for democratic values and for the law?

I am convinced that the only mechanism that can make decisions about using military force as a last resort is the Charter of the United Nations. And in connection with this, either I did not understand what our colleague, the Italian Defence Minister, just said or what he said was inexact. In any case, I understood that the use of force can only be legitimate when the decision is taken by NATO, the EU, or the UN. If he really does think so, then we have different points of view. Or I didn't hear correctly. The use of force can only be considered legitimate if the decision is sanctioned by the UN. And we do not need to substitute NATO or the EU for the UN. When the UN will truly unite the forces of the international community and can really react to events in various countries, when we will leave behind this disdain for international law, then the situation will be able to change. Otherwise the situation will simply result in a dead end, and the number of serious mistakes will be multiplied. Along with this, it is necessary to make sure that international law have a universal character both in the conception and application of its norms.

And one must not forget that democratic political actions necessarily go along with discussion and a laborious decision-making process.

Dear ladies and gentlemen!

The potential danger of the destabilisation of international relations is connected with obvious stagnation in the disarmament issue.

Russia supports the renewal of dialogue on this important question.



It is important to conserve the international legal framework relating to weapons destruction and therefore ensure continuity in the process of reducing nuclear weapons.

Together with the United States of America we agreed to reduce our nuclear strategic missile capabilities to up to 1700–2000 nuclear warheads by 31 December

2012. Russia intends to strictly fulfil the obligations it has taken on. We hope that our partners will also act in a transparent way and will refrain from laying aside a couple of hundred

superfluous nuclear warheads for a rainy day. And if today the new American Defence Minister declares that the United States will not hide these superfluous weapons in warehouse or, as one might say, under a pillow or under the blanket, then I suggest that we all rise and greet this declaration standing. It would be a very important declaration.

Russia strictly adheres to and intends to further adhere to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons as well as the multilateral supervision regime for missile technologies. The principles incorporated in these documents are universal ones.

In connection with this I would like to recall that in the 1980s the USSR and the United States signed an agreement on destroying a whole range of small- and medium-range missiles but these documents do not have a universal character.

Today many other countries have these missiles, including the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea, India, Iran, Pakistan and Israel. Many countries are working on these systems and plan to incorporate

them as part of their weapons arsenals. And only the United States and Russia bear the responsibility to not create such weapons systems.

It is obvious that in these conditions we must think about ensuring our own security. At the same time, it is impossible to sanction the appearance of new, destabilising high-tech weapons. Needless to say, it refers to measures to prevent a new area of confrontation, especially in outer space. Star wars is no longer a fantasy – it is a reality. In the middle of the 1980s our American partners were already able to intercept their own satellite. In Russia's opinion, the militarisation of outer space could have unpredictable consequences for the international community and provoke nothing less than the beginning of a nuclear era. And we have come forward more than once with initiatives designed to prevent the use of weapons in outer space.

Today I would like to tell you that we have prepared a project for an agreement on the prevention of deploying weapons in outer space. And in the near future it will be sent to our partners as an official proposal. Let's work on this together. Plans to expand certain elements of the anti-missile defence system to Europe cannot help but disturb us. Who needs the next step of what would be, in this case, an inevitable arms race? I deeply doubt that Europeans themselves do.

Missile weapons with a range of about five to eight thousand kilometres that really pose a threat to Europe do not exist in any of the so-called problem countries. And in the near future and prospects, this will not happen and is not even foreseeable. And any hypothetical launch of, for example, a North Korean rocket to American territory through western Europe obviously contradicts the laws of ballistics. As we say in Russia, it would be like using the right hand to reach the left ear.

And here in Germany I cannot help but mention the pitiable condition of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe.

The Adapted Treaty on Conventional Armed Forces in Europe was signed in 1999. It took into account a new geopolitical reality, namely the elimination of the Warsaw bloc. Seven years have passed and only four states have ratified this document, including the Russian Federation. NATO countries openly declared that they will not ratify this treaty, including the provisions on flank restrictions (on deploying a certain number of armed forces in the flank zones), until Russia removed its military bases from Georgia and Moldova. Our army is leaving Georgia, even according to an accelerated schedule. We resolved the problems we had with our Georgian colleagues, as everybody knows. There are still 1,500 servicemen in Moldova that are carrying out peacekeeping operations and protecting warehouses with ammunition left over from Soviet times. We constantly discuss this issue with Mr Solana and he knows our position.

We are ready to further work in this direction. But what is happening at the same time? Simultaneously the so-called flexible frontline American bases with up to five thousand men in each. It turns out that NATO has put its frontline forces on our borders, and we continue to strictly fulfil the treaty obligations and do not react to these actions at all.

I think it is obvious that NATO expansion does not have any relation with the modernisation of the Alliance itself or with ensuring security in Europe. On the contrary, it represents a serious provocation that reduces the level of mutual trust. And we have the right to ask: against whom is this expansion intended? And what happened to the assurances our western partners made after the dissolution of the Warsaw Pact? Where are those declarations today?

No one even remembers them. But I will allow myself to remind this audience what was said. I would like to quote the speech of NATO General Secretary Mr Woerner in Brussels on 17 May 1990. He said at the time that: “the fact that we are ready not to place a NATO army outside of German territory gives the Soviet Union a firm security guarantee”. Where are these guarantees?

The stones and concrete blocks of the Berlin Wall have long been distributed as souvenirs. But we should not forget that the fall of the Berlin Wall was possible thanks to a historic choice – one that was also made by our people, the people of Russia – a choice in favour of democracy, freedom, openness and a sincere partnership with all the members of the big European family.

And now they are trying to impose new dividing lines and walls on us – these walls may be virtual, but they are nevertheless dividing, ones that cut through our continent. And is it possible that we will once again require many years and decades, as well as several generations of politicians, to dissemble and dismantle these new walls?

Dear ladies and gentlemen!

We are unequivocally in favour of strengthening the regime of non proliferation. The present international legal principles allow us to develop technologies to manufacture nuclear fuel for peaceful purposes. And many countries with all good reasons want to create their own nuclear energy as a basis for their energy independence. But we also understand that these technologies can be quickly transformed into nuclear weapons.

This creates serious international tensions. The situation surrounding the Iranian nuclear programme acts as a clear example. And if the international community does not find a reasonable solution for resolving this conflict of

interests, the world will continue to suffer similar, destabilising crises because there are more threshold countries than simply Iran. We both know this. We are going to constantly fight against the threat of the proliferation of weapons of mass destruction. Last year Russia put forward the initiative to establish international centres for the enrichment of uranium. We are open to the possibility that such centres not only be created in Russia, but also in other countries where there is a legitimate basis for using civil nuclear energy. Countries that want to develop their nuclear energy could guarantee that they will receive fuel through direct participation in these centres. And the centres would, of course, operate under strict IAEA supervision.

The latest initiatives put forward by American President George W. Bush are in conformity with the Russian proposals. I consider that Russia and the USA are objectively and equally interested in strengthening the regime of the non-proliferation of weapons of mass destruction and their deployment. It is precisely our countries, with leading nuclear and missile capabilities, that must act as leaders in developing new, stricter non-proliferation measures. Russia is ready for such work. We are engaged in consultations with our American friends. In general, we should talk about establishing a whole system of political incentives and economic stimuli whereby it would not be in states' interests to establish their own capabilities in the nuclear fuel cycle, but they would still have the opportunity to develop nuclear energy and strengthen their energy capabilities.

In connection with this I shall talk about international energy cooperation in more detail. Madam Federal Chancellor also spoke about this briefly – she mentioned, touched on this theme. In the energy sector Russia intends to create uniform market principles and transparent conditions for all. It is

obvious that energy prices must be determined by the market instead of being the subject of political speculation, economic pressure or blackmail. We are open to cooperation. Foreign companies participate in all our major energy projects. According to different estimates, up to 26 percent of the oil extraction in Russia – and please think about this figure – up to 26 percent of the oil extraction in Russia is done by foreign capital. Try, try to find me a similar example where Russian business participates extensively in key economic sectors in western countries. Such examples do not exist! There are no such examples. I would also recall the parity of foreign investments in Russia and those Russia makes abroad. The parity is about fifteen to one. And here you have an obvious example of the openness and stability of the Russian economy. Economic security is the sector in which all must adhere to uniform principles. We are ready to compete fairly. For that reason, more and more opportunities are appearing in the Russian economy. Experts and our western partners are objectively evaluating these changes. As such, Russia's OECD sovereign credit rating improved, and Russia passed from the fourth to the third group. And today in Munich I would like to use this occasion to thank our German colleagues for their help in the above decision. Furthermore. As you know, the process of Russia joining the WTO has reached its final stages. I would point out that during long, difficult talks we heard words about freedom of speech, free trade, and equal possibilities more than once but, for some reason, exclusively in reference to the Russian market.

And there is still one more important theme that directly affects global security. Today many talk about the struggle against poverty. What is actually happening in this sphere? On the one hand, financial resources are allocated for programmes to help the world's poorest countries – and at times

substantial financial resources. But to be honest — and many here also know this — linked with the development of that same donor country's companies. And on the other hand, developed countries simultaneously keep their agricultural subsidies and limit some countries' access to high-tech products. And let's say things as they are — one hand distributes charitable help and the other hand not only preserves economic backwardness but also reaps the profits thereof. The increasing social tension in depressed regions inevitably results in the growth of radicalism, extremism, feeds terrorism and local conflicts. And if all this happens in, shall we say, a region such as the Middle East where there is increasingly the sense that the world at large is unfair, then there is the risk of global destabilisation.

It is obvious that the world's leading countries should see this threat. And that they should therefore build a more democratic, fairer system of global economic relations, a system that would give everyone the chance and the possibility to develop.

Dear ladies and gentlemen, speaking at the Conference on Security Policy, it is impossible not to mention the activities of the Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE). As is well-known, this organisation was created to examine all — I shall emphasise this — all aspects of security: military, political, economic, humanitarian and, especially, the relations between these spheres. What do we see happening today? We see that this balance is clearly destroyed. People are trying to transform the OSCE into a vulgar instrument designed to promote the foreign policy interests of one or a group of countries. And this task is also being accomplished by the OSCE's bureaucratic apparatus which is absolutely not connected with the state founders in any way. Decision-making procedures and the involvement of so-

called non-governmental organisations are tailored for this task. These organisations are formally independent, but they are purposefully financed and therefore under control.

According to the founding documents, in the humanitarian sphere the OSCE is designed to assist country members in observing international human rights norms at their request. This is an important task. We support this. But this does not mean interfering in the internal affairs of other countries, and especially not imposing a regime that determines how these states should live and develop. It is obvious that such interference does not promote the development of democratic states at all. On the contrary, it makes them dependent and, as a consequence, politically and economically unstable. We expect that the OSCE be guided by its primary tasks and build relations with sovereign states based on respect, trust and transparency.

Dear ladies and gentlemen! In conclusion I would like to note the following. We very often – and personally, I very often – hear appeals by our partners, including our European partners, to the effect that Russia should play an increasingly active role in world affairs. In connection with this I would allow myself to make one small remark. It is hardly necessary to incite us to do so. Russia is a country with a history that spans more than a thousand years and has practically always used the privilege to carry out an independent foreign policy.

We are not going to change this tradition today. At the same time, we are well aware of how the world has changed and we have a realistic sense of our own opportunities and potential. And of course, we would like to interact with responsible and independent partners with whom we could work together in



constructing a fair and democratic world order that would ensure security and prosperity not only for a select few, but for all.

Thank you for your attention.

## II. 러시아어 원문

Спасибо большое, уважаемая госпожа Федеральный канцлер, господин Тельчик, дамы и господа!

Весьма признателен за приглашение на столь представительную конференцию, собравшую политиков, военных, предпринимателей, экспертов из более чем 40 стран мира.

Формат конференции дает мне возможность избежать «излишнего политеса» и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. И если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться — это ведь только конференция. И надеюсь, что после двух-трех минут моего выступления господин Тельчик не включит там «красный свет». (оживление в зале).

Итак. Известно, что проблематика международной безопасности — много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога.

Такой всеобъемлющий, неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: «безопасность каждого — это безопасность всех». Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой».

Эти слова продолжают сохранять актуальность и сегодня. Об этом, кстати, свидетельствует и тема нашей конференции, которая здесь написана: «Глобальные кризисы — глобальная ответственность». Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав.

Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопросы. И как всякая война — «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир — тоже не состоялся.

История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества.

Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения.

Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас — постоянно учат демократии. Но те, кто нас учат, сами почему-то учиться не очень хотят.

Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном мире — не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее — сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, и сейчас мы только начали дискутировать об этом — это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела — концепции однополярного мира.

А какой результат?

Односторонние, нелегитимные часто действия, не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности. Судите сами: войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Господин Тельчик вот об этом очень мягко упомянул. И людей в этих конфликтах гибнет не

меньше, а даже больше, чем раньше. Значительно больше —  
значительно больше!

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое,  
гипертрофированное применение силы в международных делах —  
военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за  
другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное  
решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое  
решение.

Мы видим все большее пренебрежение основополагающими  
принципами международного права. Больше того — отдельные нормы,  
да, по сути — чуть ли не вся система права одного государства, прежде  
всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные  
границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной  
сфере навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится?  
Кому это понравится?

В международных делах все чаще встречается стремление решить тот  
или иной вопрос, исходя из так называемой политической  
целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре.  
И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не  
чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть — никто не  
чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за  
международным правом как за каменной стеной. Такая политика  
является, конечно, катализатором гонки вооружений.

Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран  
к обладанию оружием массового уничтожения. Больше того —

появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер, такие, как терроризм. Убежден, мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности.

И здесь надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется — меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов. Госпожа Федеральный канцлер упомянула уже об этом. Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай — превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать.

Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность.

В этой связи серьезно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств.

Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию, когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и

других преступников — опасных преступников, несмотря на это такие страны легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди — сотни, тысячи мирных людей!

Но в то же время возникает вопрос: разве мы должны безучастно и безвольно взирать на различные внутренние конфликты в отдельных странах, на действия авторитарных режимов, тиранов, на распространение оружия массового уничтожения? Именно по сути это и лежало в основе вопроса, который был задан Федеральному канцлеру нашим уважаемым коллегой господином Либерманом. Ведь я правильно понял Ваш вопрос (обращаясь к Либерману)? И, конечно, это вопрос серьезный! Можем ли мы безучастно смотреть на то, что происходит? Я попробую ответить на Ваш вопрос тоже. Конечно, мы не должны смотреть безучастно. Конечно, нет.

Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. Ведь произошел же мирный переход к демократии в нашей стране? Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима — мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия! Почему же сейчас, при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять? Неужели в условиях отсутствия угрозы взаимного уничтожения нам не хватает политической культуры, уважения к ценностям демократии и к праву.

Убежден, единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я или не понял то, что было сказано совсем

недавно нашим коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно. Я, во всяком случае, услышал, что легитимным применение силы может считаться только в том случае, если решение принято в НАТО или в Евросоюзе, или в ООН. Если он действительно так считает, то у нас с ним разные точки зрения. Или я ослышался. Легитимным можно считать применение силы только, если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом. И когда ООН будет реально объединять силы международного сообщества, которые действительно могут реагировать на события в отдельных странах, когда мы избавимся от пренебрежения международным правом, то ситуация может измениться. В противном случае ситуация будет заходить лишь в тупик и умножать количество тяжелых ошибок. При этом, конечно, нужно добиваться того, чтобы международное право имело универсальный характер и в понимании, и в применении норм. И нельзя забывать, что демократический образ действий в политике обязательно предполагает дискуссию и кропотливую выработку решений.

Уважаемые дамы и господа!

Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоем в области разоружения.

Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу.

Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений.

Мы договорились с Соединенным Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700—2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день» лишнюю пару сотен ядерных боезарядов. И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением.

Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями. Принципы, заложенные в этих документах, носят универсальный характер.

В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было.

Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль. Многие другие государства мира разрабатывают эти



системы и планируют поставить их на вооружение. И только Соединенные Штаты Америки и Россия несут обязательства не создавать подобных систем вооружений.

Ясно, что в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей собственной безопасности. Вместе с тем, нельзя допустить появления новых дестабилизирующих высокотехнологичных видов оружия. Я уже не говорю о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации особенно в космосе. «Звездные войны», как известно уже не фантастика, а реальность. Еще в середине 80-х годов [прошлого века] наши американские партнеры на практике провели перехват собственного спутника. Милитаризация космоса, по мнению России, может спровоцировать непредсказуемые для мирового сообщества последствия — не меньшие, чем начало ядерной эры. И мы не раз выступали с инициативами, направленными на недопущение оружия в космос.

Сегодня хотел бы проинформировать вас о том, что нами подготовлен проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В ближайшее время он будет направлен партнерам в качестве официального предложения. Давайте работать над этим вместе. Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам.

Ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5-8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых «проблемных стран». И в обозримом будущем и обозримой перспективе

— и не появится, и не предвидится даже. Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу — это явно противоречит законам баллистики. Как говорят у нас в России, это все равно, что «правой рукой дотягиваться до левого уха».

И, находясь здесь, в Германии, не могу не упомянуть и о кризисном состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он учитывал новую геополитическую реальность — ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию. Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил) до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению.

Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия.

Думаю, очевидно, — процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот — это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить — против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены — пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?

Уважаемые дамы и господа!

Мы однозначно выступаем и за укрепление режима нераспространения. Существующая международно — правовая база позволяет создавать технологии по выработке ядерного топлива для использования его в мирных целях. И многие страны с полным на то основанием, хотят создавать собственную ядерную энергетику как основу их энергетической независимости. Но мы также понимаем, что эти технологии могут быть быстро трансформированы в получение оружейных материалов.

Это вызывает серьезное международное напряжение. Яркий тому пример — ситуация с иранской ядерной программой. Если международное сообщество не выработает разумного решения этого конфликта интересов, мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы, потому что пороговых стран больше, чем Иран, и мы с вами об этом знаем. Мы будем постоянно сталкиваться с угрозой распространения оружия массового уничтожения.

В прошлом году Россия выступила с инициативой создания многонациональных центров по обогащению урана. Мы открыты к тому, чтобы подобные центры создавались не только в России, но и в других странах, где на легитимной основе существует мирная ядерная энергетика. Государства, желающие развивать атомную энергетику, могли бы гарантированно получать топливо через непосредственное участие в работе этих центров, конечно же, под строгим контролем МАГАТЭ.

С российским предложением созвучны и последние инициативы Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в

ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями.

В целом, речь должна идти о создании целой системы политических рычагов и экономических стимулов — стимулов, при которых государства были бы заинтересованы не создавать собственные мощности ядерного топливного цикла, но имели бы возможность развивать атомную энергетику, укрепляя свой энергетический потенциал.

В этой связи подробнее остановлюсь на международном энергетическом сотрудничестве. Госпожа Федеральный канцлер тоже об этом коротко, но упомянула, затронула эту тему. В энергетической сфере Россия ориентируется на создание единых для всех рыночных принципов и прозрачных условий. Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа.

Мы открыты для сотрудничества. Зарубежные компании участвуют в наших крупнейших энергетических проектах. По различным оценкам, до 26 процентов добычи нефти в России, — вот вдумайтесь в эту цифру, пожалуйста, — до 26 процентов добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте, попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких

примеров нет. Напомню также о соотношении инвестиций, поступающих в Россию и идущих из России в другие страны мира.

Соотношение — примерно пятнадцать к одному. Вот вам зримый пример открытости и стабильности российской экономики.

Экономическая безопасность — это сфера, где всем следует придерживаться единых принципов. Мы готовы честно конкурировать.

Для этого у российской экономики появляется все больше возможностей. Такую динамику объективно оценивают эксперты и наши зарубежные партнеры. Так, недавно был повышен рейтинг России в ОЭСР: из четвертой группы риска наша страна перешла в третью. И хотел бы, пользуясь случаем, здесь, сегодня в Мюнхене, поблагодарить наших немецких коллег за содействие в принятии вышеназванного решения.

Далее. Как вы знаете, процесс присоединения России к ВТО вышел на финальную стадию. Отмечу, что в ходе долгих, непростых переговоров мы не раз слышали слова о свободе слова, о свободе торговли, о равных возможностях, но, почему-то исключительно — применительно к нашему, российскому рынку.

И еще одна важна тема, прямо влияющая на глобальную безопасность. Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы — и подчас немаленькие финансовые ресурсы. Но по-честному, и об этом здесь многие тоже это знают, зачастую — под «освоение» компаниями самих же стран-доноров. Но в тоже время, с другой стороны, в развитых странах

сохраняются субсидии в сельском хозяйстве, ограничивается для других доступ к высоким технологиям.

И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты. А если все это вдобавок происходит, скажем, на Ближнем Востоке в условиях обостренного восприятия внешнего мира как несправедливого, то возникает риск для глобальной дестабилизации.

Очевидно, что ведущие страны мира должны видеть эту угрозу. И, соответственно, выстраивать более демократическую, справедливую систему экономических отношений в мире — систему, дающую всем шанс и возможность для развития.

Выступая на конференции по безопасности, уважаемые дамы и господа, нельзя обойти молчанием и деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как известно, она была создана, чтобы рассматривать все, — я подчеркну это, — все аспекты безопасности: военно-политические, экономические, гуманитарные, причем в их взаимосвязи.

Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен. ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран. И под эту задачу «скроили» и

бюрократический аппарат ОБСЕ, который абсолютно никак не связан с государствами-учредителями. «Скроили» под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых «неправительственных организаций». Формально, да, независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит — подконтрольных. Согласно основополагающим документам, в гуманитарной сфере ОБСЕ призвана оказывать странам-членам, по их просьбе, содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Это важная задача. Мы ее поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более, — навязывания этим государствам того, как они должны жить и развиваться.

Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми, и как следствие — нестабильными в политическом и экономическом плане.

Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраивать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности.

Уважаемые дамы и господа!

В заключение хотел бы отметить следующее. Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны наших партнеров, в том числе и со стороны европейских партнеров, играть более и более активную роль в мировых делах.

В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому. Россия — страна с более



чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику.

Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем, мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех.

Благодарю за внимание.

Х. Тельчик. Сердечное спасибо за Ваше важное выступление.

Прозвучали новые темы, в том числе вопрос о глобальной архитектуре, который в последние годы не был на переднем плане; разоружение, контроль над вооружениями, вопрос отношений Североатлантического альянса и России, сотрудничество в области технологий.

Есть еще целый ряд вопросов, и господин Президент готов ответить.

Вопрос. Многоуважаемый господин Президент, спасибо за Ваше выступление. Хотел бы подчеркнуть, что в германском Бундестаге мы убеждены, насколько важна Россия в качестве партнера Европы, и важна роль, которую Вы играете. Об этом сказала и Федеральный канцлер в своем выступлении.

Я хотел бы, исходя из своего опыта, коснуться двух пунктов Вашего выступления. Это, во-первых, оценка НАТО, его расширения, которое Вы считаете опасным для России. Вы признаете, что расширение — это

фактически не расширение, а самоопределение демократических государств, которые захотели пойти таким путем? И что НАТО затрудняется принимать государства, которые не изъявляют такой готовности? Вы могли бы признаться в том, что за счет расширения НАТО восточные границы стали более надежны, безопасны. Почему Вы боитесь демократии? Я убежден, что только демократические государства могут стать членами НАТО. Это стабилизирует соседей.

К вопросу о том, что происходит внутри Вашей страны. Убили Анну Политковскую, это символ. Можно сказать, это касается многих журналистов, страхи всякие, закон о неправительственных организациях — это вызывает тревогу.

Вопрос. Я хорошо понимаю Ваше замечание о нераспространении. Особенно в конце «холодной войны» мы видели сокращение размещения ядерного оружия, но видели также и рост терроризма. Ядерные материалы должны быть серьезно защищены от террористов.

Вопрос. Коснусь вопроса, который был задан и Федеральному канцлеру. Что будет дальше в Косово и в Сербии? Как Вы оцениваете М.Ахтисаари? Какое влияние окажет Россия на решение этой проблемы?

Вопрос. Вы можете прокомментировать опыт, который сложился у российских военнослужащих в Чечне? О Вашем примечании по энергетике: Вы изложили вкратце, что касается рыночной роли энергии в политике. Европейский союз заинтересован в том, чтобы добиться заключения партнерского соглашения, чтобы были зафиксированы принципы в области политики. Вы готовы обеспечить надежность поставок ресурсов и включить в состав этого соглашения?

Вопрос. Господин Президент, Вы выступили с искренними, откровенными замечаниями. Надеюсь, Вы поймете мой откровенный и прямой вопрос. В 90-е годы российские эксперты активно помогали Ирану в разработке ракетных технологий. Иран сейчас имеет продвинутые ракеты среднего и дальнего радиуса действия, что позволяет ему нанести удар по России и по части Европы. Они также работают над тем, чтобы поместить на эти ракеты ядерные боеголовки. Ваша страна предприняла усилия по переговорам с Ираном по этому вопросу и поддержала резолюцию СБ ООН, чтобы не дать Ирану проводить такую политику. Мой вопрос заключается в следующем: какие усилия предпримет Россия — через ООН или иным образом — для того, чтобы прекратить эти очень серьезные события в Иране?

Вопрос. Я уверен, что историки не напишут в один прекрасный день, что во время нашей конференции была объявлена вторая «холодная война». Но могли бы. Вы говорили, что нужно и оказывать давление на Иран, и давать положительные импульсы. Не правда ли, что Россия препятствует сильному давлению в виде санкций, и, во-вторых, что касается поставок оружия туда, — это их подбадривает, тем более, что оружие это оказалось в Ливане и в секторе Газа. Как Вы можете это прокомментировать?

Вопрос. Я понимаю Вашу искренность и надеюсь, что Вы согласитесь с нашей искренностью. Во-первых, контроль над вооружениями. Кому нужна гонка вооружений? Я хочу указать, что США не разрабатывают новое стратегическое оружие уже более двух десятилетий, а Вы недавно испытали «Тополь-М», который уже размещен в шахтах и на мобильных установках. Вы критиковали США за односторонние действия и дважды

сказали, что военные действия могут быть законными, только если они одобрены ООН. США ведут боевые действия в Ираке и Афганистане по решению ООН, а в Косово сегодня большинство поддерживает миротворческую операцию в этой стране. Мой вопрос такой: говорите ли Вы сейчас, что, независимо от того, как Россия рассматривает угрозу своим международным интересам, она не будет предпринимать боевые действия без одобрения ООН?

Вопрос. Вы говорили об опасности однополярного мира, когда один суверен принимает решение без консультации с другими. В России, по мнению многих, мы видим все более однополярное правительство, где конкурирующие центры влияния вынуждены следовать партийной линии, будь то Госдума, руководство в регионах, СМИ, бизнес-сообщество, НПО. Будет ли однополярное правительство такого рода надежным партнером, когда речь идет об энергетической безопасности?

В. Путин. Прежде всего хочу вас поблагодарить за эти вопросы. Очень интересно. Жалко, что у нас мало времени, я с удовольствием бы с каждым из вас провел отдельную дискуссию. Я это люблю, мне нравится.

Начну с последнего вопроса по поводу однополярности российского правительства. В российском парламенте сегодня представлены Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Единая Россия», Либерально-демократическая партия, представлены другие политические силы, которые принципиально, по своим основополагающим взглядам, отличаются друг от друга. Если Вам это не известно, побеседуйте с руководством Коммунистической партии Российской Федерации, а потом с лидером наших либеральных

демократов господином Жириновским. И Вы сразу же увидите разницу. Если Вам сейчас не видно, побеседуйте с ними. Здесь нет никаких проблем — приехать в Москву и поговорить.

Что касается того, как мы в будущем планируем это делать. Мы бы хотели, чтобы у нас была зрелая политическая система, чтобы у нас была многопартийная система с ответственными политиками, которые могут прогнозировать развитие страны и ответственно действовать не только в период выборов и после них, а и на длительную историческую перспективу. Вот будем к этому стремиться. Но эта система, конечно же, будет многопартийной. Все наши действия внутри страны, в том числе касающиеся изменения порядка избрания в Государственную Думу, в парламент России, направлены именно на укрепление многопартийной системы в стране.

Теперь о том, в состоянии ли наше Правительство действовать ответственно при решении проблем энергетических поставок и по обеспечению энергетической безопасности. Конечно, да! Более того, все, что мы делали до сих пор и делаем сейчас, направлено на достижение только одной цели: перевести наши отношения с потребителями и с транзитерами наших углеводородов на рыночные, прозрачные принципы и — в долгосрочные контракты.

Напомню вам, и здесь напротив меня сидит мой коллега, Президент Украины, он это знает так же, как и я: до прошлого года, пока мы с ним в трудной дискуссии не приняли соответствующих решений, поставки наших энергоносителей, прежде всего газа в Европу в течение 15 лет зависели от того, договорятся ли Украина и Россия между собой по условиям и по ценам поставок нашего газа в саму Украину, а если не

договорятся — все, европейские потребители сидели бы без газа. Такая ситуация вас устраивает? Думаю, нет. И несмотря на все скандалы там и прочее, защиту интересов, борьбу мнений и так далее, мы смогли договориться с Президентом Ющенко. Я считаю, что он принял ответственное, исключительно правильное, абсолютно рыночное решение: мы подписали контракты отдельно на поставку в Украину нашего газа, и отдельно — на транзит в Европу на пять лет вперед. Спасибо нам нужно сказать — и нам, и Украине, за это решение. И за Ваш вопрос спасибо, вопрос — хороший.

Лучше бы я отвечал сразу же на ваши вопросы. Наша оценка расширения НАТО на Восток. Я уже говорил о гарантиях, которые нам давали и которые сегодня не соблюдаются. Вы разве считаете это нормальным в международных делах? Но Бог с ними, с этими гарантиями. Что касается демократии и расширения НАТО. НАТО — это не универсальная организация в отличие от Организации Объединенных Наций. Это, прежде всего, военно-политический блок — военно-политический! И, конечно, обеспечение собственной безопасности — это прерогатива любого суверенного государства. Мы с этим и не спорим. Пожалуйста, мы против этого не возражаем. Но почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к нашим границам при расширении? Вот на это нам может кто-нибудь ответить? Разве расширение военной инфраструктуры связано с преодолением сегодняшних глобальных угроз? Допустим, если мы будем говорить о главной из них сегодня — главной и для нас, и для США, и для Европы: что это за угроза — это терроризм и борьба с ним.

Нужна Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно! Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия. Так что расширение тем более военной инфраструктуры и приближение ее к нашим границам и демократический выбор отдельных государств между собой никак не связаны. И я бы попросил эти два понятия не путать.

Знаете, я так «накарябал» здесь, что уже сам не разберу, что я записал. Я тогда отвечу на то, что сам могу прочитать, а если я на что-то не отвечу, вы напомните мне свои вопросы.

Что будет с Косово, с Сербией? Это могут знать только косовары и сербы. И давайте не будем за них решать, как они устроят свою жизнь. Не нужно корчить из себя Господа Бога и решать за все народы все их проблемы. Мы с вами можем только создать условия и помочь людям разобраться в своих проблемах, — создать условия, выступить гарантами определенных договоренностей. Но не нужно навязывать им эти договоренности. Иначе мы загоним ситуацию в тупик. Если кто-то из участников этого весьма сложного процесса между этими народами почувствует себя оскорбленным, униженным, это будет тянуться веками. Мы только загоним проблему в тупик.

И в чем заключается наша позиция? Наша позиция заключается в том, что мы будем придерживаться именно этого принципа. И если мы увидим, что одна из сторон явно не удовлетворена предлагаемыми способами разрешения ситуации, мы такое решение поддерживать не будем.

Я не очень понял, что Вы имели в виду, когда спросили об опыте наших военных в Чечне. Опыт малоприятный, но большой. Если Вас интересует в целом ситуация в Чечне, то могу Вам сказать, что сейчас там избран парламент, избран президент, действует правительство. Все органы власти и управления сформированы. Привлечены к работе в республике практически все политические силы Чечни. Для примера могу сказать, что членом парламента, допустим, там, в Чечне, является сейчас бывший министр обороны правительства А.Масхадова. И мы провели целую серию решений, которые позволили бывшим боевикам вернуться не только к нормальной, но даже и к политической жизни в республике. Так что мы предпочитаем сегодня действовать там экономическими и политическими средствами, передав практически, почти на сто процентов, обеспечение безопасности в руки самого чеченского народа. Потому что органы правопорядка, которые там сформированы, почти на сто процентов состоят из местных граждан, из тех, кто проживает в Чечне постоянно, — из чеченцев. Что касается Ливана, тоже не очень понял, что Вы имеете в виду, но да, как подтверждение того, что известная ситуация сложилась таким образом, как я ее сейчас нарисовал, об этом говорит также направление нами в Ливан наших военных строителей для восстановления мостов и инфраструктуры, разрушенной в ходе конфликта с Израилем. И этих строителей охраняли подразделения, полностью укомплектованные военнослужащими из Чечни и чеченцами по национальности. Мы исходили из того, что наши военнослужащие должны будут работать в районах, которые населены мусульманами, и если контингент, который охраняет наших военных, будет укомплектован тоже мусульманами —



хуже от этого не будет. И мы не ошиблись. Действительно, местное население очень тепло встречало наших военных строителей.

Теперь по соглашению в области энергетики с Евросоюзом, так я понял вопрос? Мы уже многократно говорили, что мы не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает. Потому что она не только нами, она и нашими европейскими партнерами не выполняется. Достаточно вспомнить закрытый до сих пор для нас рынок ядерных материалов. Его же нам никто не открыл.

Есть и другие моменты, на которых я просто сейчас не хочу заострять внимание, но принципы сами по себе — они уже используются нами в том числе и в работе с немецкими компаниями. Я напому о той сделке, которая состоялась между «Газпромом» и компанией «БАСФ». Это, по сути, обмен активами. Мы и дальше готовы так действовать. Мы готовы. Но в каждом конкретном случае мы должны понять: что мы отдаем, что отдают наши партнеры, посчитать, сделать независимую экспертную международную оценку и принять решение. Мы к этой работе готовы. Мы то же самое совсем недавно сделали и с итальянскими партнерами, с компанией «ЭНИ». Не только подписали с ними соглашение о поставках до 2035 года, по-моему, но еще там речь идет и об обмене активами. Вот сейчас мы то же самое, такой же вариант сотрудничества, изучаем и с нашими украинскими друзьями. Этот процесс идет.

А стоит ли «заводить» эти принципы под крышу возможного будущего основополагающего акта между Россией и Евросоюзом — по-разному

можно посмотреть. Но я считаю, что не стоит, потому что кроме энергетики в наших взаимоотношениях с Евросоюзом есть и другие сферы сотрудничества: и сельское хозяйство есть, есть высокие технологии, есть транспорт. И все очень остро, очень интересно. Мы же не можем все подряд завести в основополагающий акт, который должен быть рамочным документом. Или вы хотите, чтобы мы занесли туда только то, что вам нужно, а то, что нам нужно, вынесли за рамки? Давайте мы будем все-таки по-честному друг с другом дискутировать и принимать взаимовыгодные решения.

«В 90-е годы Россия оказывала Ирану помощь в создании ракетной техники». По-моему, вот Вы задали мне этот вопрос. «Сегодня иранцы хотят оснастить эти ракеты ядерными боеголовками, имеют ракеты, которые могут достичь Европы. Что Россия будет делать по иранской ядерной программе?» Так?

Ну, во-первых, у меня нет сведений, что Россия в 90-е годы оказывала Ирану помощь в создании их собственных ракетных технологий. Там активно очень действовали другие страны. В том числе технологии шли по разным каналам. И у нас есть свидетельства тому. Я в свое время передавал их напрямую Президенту Соединенных Штатов. И из Европы идут технологии, и из азиатских стран.

Так что Россия здесь ни при чем. Уверяю Вас. Меньше всего здесь замешана Россия. Меньше всего. Если вообще хоть как-нибудь замешана. Я в это время работал еще в Петербурге, но мы не занимались этим. Могу Вас уверить. Но, наверное, там, знаете, на уровне бизнеса что-то могло происходить. У нас обучали специалистов в институтах и так далее. И мы по просьбе, по информации наших американских

партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко. Но вот реакции от других наших партнеров, в том числе из Европы, мы такой не заметили. Более того, я не знаю, известно Вам или нет, должно быть известно: из Соединенных Штатов до сих пор поступает военная техника и специальное оборудование. До сих пор. До сих пор поступают из наличия в вооруженных силах, из Пентагона, запчасти к самолетам F-14. В Соединенных Штатах даже по этому поводу проводится, насколько мне известно, расследование. Несмотря на то, что расследование идет, с границы эти запчасти забрали, вернули назад и через некоторое время опять, по имеющимся у меня сведениям, — если они не точны, проверьте их, — опять на границе задержали те же самые грузы. Даже с пометкой «вещественное доказательство».

Знаете, этот поток действительно трудноато остановить. Нужно действовать совместно.

По поводу того, что у Ирана есть ракеты, которые угрожают Европе. Вы ошибаетесь. Сегодня у Ирана — вот здесь есть господин Гейтс, который наверняка знает эту информацию точнее, чем я, и наш Министр обороны — у Ирана сегодня есть ракеты с дальностью 2000 километров.

С. Иванов. 1600—1700 километров.

В. Путин. 1600—1700 километров. Всего. Ну посчитайте, сколько километров от границы Ирана до Мюнхена. Нет у Ирана таких ракет. Они только планируют разработать на 2400. И то неизвестно, смогут ли они это сделать технологически. А вот уже 4, 5, 6 тысяч километров — я думаю, что для этого нужна просто другая экономика даже. Так что это маловероятно вообще. И Иран Европе не угрожает. Что касается того,

что они собираются разместить ядерные заряды — у нас нет таких сведений, ядерные боеголовки поставить — у нас таких сведений нет.

Вот Северная Корея произвела испытания ядерного взрывного устройства. Иранцы нам все время говорят, что их ядерная программа носит мирный характер. Но я с Вами согласен, согласен в том, что у международного сообщества есть озабоченности по поводу характера и качества ядерных программ Ирана. И господин Эль-Барадей недавно сформулировал эти озабоченности, по-моему, в шести или семи пунктах. И здесь я с Вами солидарен. И мне не понятно, почему иранская сторона до сих пор не отреагировала позитивным и конструктивным образом на эти озабоченности и предложения Эль-Барадея — снять эти озабоченности. Мне это тоже не понятно — так же, как и Вам.

Что мы будем делать? Я думаю, что вместе мы должны набраться терпения и аккуратно работать. Да, правильно, создавая и стимулы, и показывая иранскому руководству, что сотрудничество с международным сообществом гораздо лучше, чем конфронтация.

Да, опять вот по поставкам оружия в Иран. Вы знаете, разговоров больше, чем этих поставок. У нас ВТС, военно-техническое сотрудничество с Ираном минимальное. Просто минимальное. Там оно исчисляется я не знаю какими цифрами. Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, и в том числе Соединенные Штаты. Просто в разы — никакого сравнения нет. Мы поставили туда системы противовоздушной обороны недавно, — это действительно так, — среднего радиуса действия — от 30 до 50 километров примерно. Это правда. Зачем мы это сделали? Я могу объяснить. Мы сделали это для того, чтобы Иран не чувствовал себя

загнанным в угол. Не чувствовал, что он находится в каком-то враждебном окружении, и понимал, что у него есть канал для общения, понимал, что у него есть друзья, которым можно доверять. Мы очень рассчитываем на то, что и иранская сторона поймет и услышит наши сигналы.

По поводу нашего оружия в Ливане и в секторе Газа. В секторе Газа я вообще не слышал о том, что присутствует наше оружие. Я не видел такого. Ну автомат Калашникова — вообще автомат самой распространенной системы стрелкового оружия в мире. Он, наверное, везде есть. Наверное, и в Германии на вооружении стоят еще автоматы Калашникова, во всяком случае, еще не уничтожены, — сто процентов.

В Ливане да. Там действительно были замечены ящики из-под наших противотанковых систем. Это правда. Мне об этом наши израильские партнеры сразу же сообщили. Мы провели тщательное расследование того, что там происходило. И установили, что эти системы остались на территории Ливана после того, как с него ушла сирийская армия. Мы провели соответствующую работу с сирийскими партнерами и обусловили наше дальнейшее сотрудничество в области военно-технического взаимодействия с Сирией необходимыми условиями, которые исключили бы возможность попадания оружия в чьи бы то ни было руки, кроме тех, для кого оно предназначены. Такая система выработана. В том числе мы договорились о системе возможных инспекций на складах в любое удобное время для российских специалистов. На складах после поставок наших систем в Сирию.

«США не разрабатывают стратегическое оружие, а Россия разрабатывает. Не будет ли Россия применять силу без санкций ООН в будущем? Россия разрабатывает системы стратегического оружия».

Прекрасный вопрос, замечательный! Я Вам очень за него благодарен. Это дает мне возможность показать суть происходящих событий. Ведь чему мы за последние десятилетия обязаны, если мы говорим о том, что противостояние было, а большой войны все-таки не произошло в период противостояния двух сверхдержав и двух систем? Мы обязаны балансу сил между двумя этими самыми супердержавами. Был баланс и страх взаимного уничтожения. И одна сторона боялась шаг ступить лишний без того, чтобы не посоветоваться с другой в последнее время. И это был хрупкий мир, конечно, и страшноватый. Но он был достаточно надежным, как выясняется сегодня. Сегодня он, оказывается, и не такой уж надежный.

Да, Соединенные Штаты не разрабатывают, якобы, наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом не известно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают. Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. Сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то

это означает, что баланс будет абсолютно нарушен, и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах.

Мы же с вами сейчас дискутируем. Я не хочу никого подозревать в какой-то агрессивности. Но система отношений — это так же, как математика. Она не имеет личного измерения. И мы должны, конечно, на это реагировать. Как? Или так же, как вы, и строить многомиллиардную противоракетную систему, систему противоракетной обороны, либо, имея в виду наши сегодняшние возможности — экономические, финансовые — ответить ассиметрично. Чтобы все поняли, что да, система противоракетной обороны есть, но она в отношении России бессмысленна, потому что у нас есть такое оружие, которое ее легко преодолевает. Вот мы по этому пути и пойдем. Это дешевле для нас. Но это никак не направлено против самих Соединенных Штатов.

Я полностью согласен, если Вы говорите, что система ПРО не направлена против нас, то и наше новое оружие не направлено против вас. И я полностью здесь согласен с моим коллегой и другом — я, знаете, не побоюсь этого слова, при всех разногласиях я считаю Президента Соединенных Штатов своим другом. Он порядочный человек, я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри. Но я знаю, что это порядочный человек, и с ним можно разговаривать и договариваться. Ну так вот, мы когда с ним говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками

и врагами». Я с ним согласен. Но повторяю еще раз: вот эта симметрия и асимметрия — здесь нет ничего личного. Это просто расчет.

Теперь по поводу того, будет ли Россия применять военную силу без санкций ООН. Мы будем действовать всегда строго в рамках международного права. Мое базовое образование все-таки юридическое, и я позволю себе напомнить — и себе, и моим коллегам — что в соответствии с Уставом ООН в случае проведения миротворческих операций нужны санкции Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН. В случае проведения миротворческих операций. Но в Уставе ООН есть и статья о праве на самооборону. И здесь никаких санкций уже не нужно. Так. Что я забыл?

Вопрос. В моем вопросе речь шла о многополярности в самой России как таковой и о том, что касается отношения международного сообщества в отношении России, если она не соблюдает эти принципы: убийства журналистов, страхи, боязнь, отсутствие свободы, неправительственные организации.

В. Путин. Я два слова скажу. Там был другой какой-то вопрос, на этот я в принципе уже отвечал, когда говорил о составе российского парламента. Посмотрите, кто там представлен и какие политические взгляды у тех людей, которые занимают лидирующие позиции в парламенте, легитимные партии. Что касается неправительственных организаций, то они активно работают в России. Да, мы ввели новую систему их регистрации. Она мало чем отличается от систем регистрации в других странах. И никаких замечаний от самих неправительственных организаций мы пока не видели. Мы практически никому не отказали в регистрации. Там есть два-три случая по чисто формальным условиям, и



эти неправительственные организации работают над тем, чтобы исправить какие-то положения устава и так далее. По субстантивным, сущностным вопросам никому не отказано. Все самым активными образом трудятся и будут трудиться дальше.

Что нас беспокоит? Я могу сказать и думаю, что это понятно для всех: вот когда эти неправительственные организации финансируются по сути иностранными правительствами, то мы рассматриваем это как инструмент иностранных государств в проведении политики в отношении нашей страны. Это первое. И второе. Во всех странах существуют определенные правила финансирования, скажем, избирательных кампаний. Через неправительственные организации идет финансирование от правительственных источников других стран, в том числе и в рамках правительственных кампаний. Ну куда это годится? Это что, нормальная демократия что ли? Это скрытое финансирование. Скрытое от общества. Чего же здесь демократичного? Можете Вы мне сказать? Нет! Не можете. И не скажете никогда. Потому что это не демократия, а просто влияние одного государства на другое.

Но мы заинтересованы в том, чтобы развивалось гражданское общество в самой России, чтобы оно ругало власти, критиковало, помогало власти определять свои собственные ошибки, корректировать свою политику в интересах людей. В этом мы, безусловно, заинтересованы, и мы будем поддерживать гражданское общество и неправительственные организации.

Что касается страхов там и так далее. Знаете, у нас меньше страхов сегодня, чем во многих других странах. Потому что за последние годы мы кардинально изменили ситуацию в сфере экономики и

благополучия граждан. У нас еще очень много проблем. И у нас очень много нерешенных проблем. В том числе проблем, связанных с бедностью. И вот я Вам скажу, что страхи-то в основном исходят отсюда.

Что касается журналистов, то да, это большая, сложная проблема. И журналисты гибнут не только, кстати говоря, у нас, в России, но и в других странах. Больше всего журналистов погибло где? Вы же специалист, можете, наверное, сказать, в какой стране больше всего погибло журналистов за последние, скажем, год-полтора? В Ираке больше всего погибло журналистов.

Что касается трагедий в нашей стране, мы, безусловно, будем самым тщательным образом бороться с этими явлениями и жестко карать всех преступников, которые пытаются подорвать и доверие к России и расшатать нашу политическую систему. Спасибо вам за внимание.